

Солнечный свет пробивался сквозь панорамные окна, заливая комнату и двух женщин, сплетенных в объятиях на пуховой кровати.

— Голова болит...

Сун Сыинь нахмурилась и открыла глаза. Приступы головной боли от похмелья накатывали один за другим. Она попыталась приподняться, чтобы найти воды, но почувствовала, что её талию что-то крепко удерживает.

Она изо всех сил попробовала вырваться — ни с места.

Что происходит?

Сун Сыинь только теперь почувствовала, что что-то здесь не так, и окончательно открыла глаза.

Только тогда она отчетливо увидела бледную руку, которая лежала на её талии, намертво прижимая её к себе.

— Это еще что за ситуация?

В тот момент, когда она была совершенно ошарашена, Сун Сыинь почувствовала легкое щекотание и, ощутив, как внутри всё перевернулось, не сдержала крика.

Сун Сыинь застыла на месте. Она никак не ожидала, что всё началось так благополучно, но, проснувшись после сна, она вдруг обнаружит, что не может выбраться.

Из-за случившегося конфуза её единственным желанием было сбежать отсюда, но кто бы мог подумать, что всё здание заблокировано.

Сун Сыинь впервые пыталась заговорить с кем-то в баре. От женщины исходила аура неприступности, отчего Сун Сыинь невольно нервничала.

В баре стоял шум и гам. Сун Сыинь пришла в такое место впервые, поэтому, естественно, держалась поближе к своему брату. А тот, едва присев, сразу приметил одинокую красавицу в алом платье с глубоким вырезом, которая выглядела невероятно холодной и притягательной одновременно.

— Сестренка, ты здесь одна?

Услышав вопрос Сун Сыинь, женщина повела длинным уголком глаза и насмешливо хмыкнула:

— Что, напилась так, что память отшибло? Вчера вечером это ты ходила за мной по пятам и, называя сестренкой, умоляла поехать с тобой домой.

Сун Сыинь заметила взгляд, скользнувший по её шее, и её лицо вспыхнуло. Она с ужасом уставилась на собеседницу.

Сун Сычжо толкнул Сун Сыинь локтем:

— Иньин, давай, помоги брату раздобыть её номер!

— Быстрее возвращайтесь, в вашем жилом комплексе выявили контактного, объявлен карантин на четырнадцать дней, до снятия ограничений выход запрещен!

— Что за шум с самого утра?

Женщина повернула голову, слегка улыбнулась и подняла бокал:

— Да, ты составишь мне компанию?

И всё это из-за Сун Сычжо!

— ...Хорошо!

Её взгляд был невероятно агрессивным, словно она была готовой к прыжку леопардессой. Сун Сыинь внезапно ощутила себя кроликом, на которого нацелился хищник, и в испуге принялась отчаянно мотать головой.

Поддавшись на уговоры брата, Сун Сыинь набралась храбрости и, взяв бокал, подошла к женщине.

Её брат Сун Сычжо в тот момент уже потерял голову.

Вчера она праздновала день рождения, и брат привел целую толпу своих приятелей-оболтусов. В конце концов, когда вся компания вышла из караоке, кто-то предложил показать ей настоящую жизнь, и так она впервые оказалась в баре.

У неё возникло недоброе предчувствие.

Женщина, обнимавшая Сун Сыинь, открыла глаза. Длинные, изящные пальцы провели по каштановым волосам, откидывая их назад и открывая красивый овал лица. Уголки её губ приподнялись, а холодный взгляд безразлично скользнул по Сун Сыинь. Сун Сыинь изначально

хотела договориться с ними, чтобы ее отпустили на самоизоляцию, но, увидев такой настрой, благоразумно предпочла прикусить язык.

— Эта фигура, этот темперамент... Обожаю таких холодных, властных красавиц!

— Возраст небольшой, а формы уже что надо.

Что было дальше, она помнила смутно.

Сун Сыинь послушно села и выпила с той женщиной один бокал. Собеседница не дала ей даже шанса попросить номер телефона, а сама Сун Сыинь, переоценив свою стойкость к алкоголю, так и напилась.

— Мне нужно помочь тебе освежить память? — с усмешкой спросила Хэ Лань.

Сун Сыинь сжалась в углу, и воспоминания наконец начали медленно возвращаться.

Она натянула обувь, распахнула дверь и бросилась наутек, не смея даже оглянуться. Только войдя в лифт, она поняла, что даже не знает, как зовут ту женщину.

Единственное, что отложилось в памяти — это как она постоянно льнула к ней, пытаясь прижаться. Хорошо, что обе они были женщинами, иначе последствия были бы невообразимыми.

— Правда? — глаза Сун Сыинь блеснули. — Тогда держи слово, не вздумай отступить!

Сун Сыинь была готова провалиться сквозь землю на месте. То, что она помнила, было уже достаточно постыдно, а что было в тех фрагментах, которые стерлись из памяти?

— И не подумаю, — сердито ответила Сун Сыинь. — Жаба захотела лебединого мяса? Ты серьезно думаешь, что она на тебя посмотрит?

— Ты... ты-ты, почему я здесь?

— Не нужно!

Сун Сыинь стояла в коридоре, готовая расплакаться.

Неужели придется возвращаться к той женщине?

Двоим людям в защитных костюмах было плевать, о чем думает Сун Сыинь, они начали торопить её:

— Быстрее возвращайтесь, нам нужно опечатать это здание.

Сун Сыинь кое-как натянула одежду, собираясь сбежать: напиться — это полбеды, самое страшное — когда кто-то другой помогает тебе вспомнить детали.

— Боже, что я вообще творю?

Как можно быть таким братом, который так подставляет свою сестру!

Сун Сыинь мысленно проклинала брата, но, дойдя до выхода, обнаружила, что у входа собралась целая группа людей в белых защитных костюмах.

— А?

— Нет, погоди, — засуетился Сун Сычжо. — Давай так: ты ведь хотела новый телефон? Помоги брату достать её контакт, и завтра же я отвезу тебя его покупать.

— Извините, это все моя вина, я сейчас же уйду.

Обстоятельства оказались сильнее, придется вернуться.

Понутив голову, она нажала на кнопку звонка.

Женщина открыла дверь. Темные волосы небрежно спадали на плечи, а её длинные стройные ноги в ослепительно белых чулках так и приковывали взгляд. Даже несмотря на то, что Сун Сыинь сама была девушкой, она невольно засмотрелась на несколько секунд.

— Почему вернулась? — спросила женщина.

Услышав вопрос Хэ Лань, Сун Сыинь почувствовала такую неловкость, что была готова вырыть под собой яму, лишь бы скрыться.

— Эм... ну, сказали, что из-за близкого контакта всё здание должны закрыть на карантин на четырнадцать дней, поэтому, поэтому...

— Поэтому тебе некуда идти? Женщина насмешливо улыбнулась, и в этой улыбке Сун Сыинь видела лишь злорадство.

Сун Сыинь замаялась и, запинаясь, проговорила:

— М-м... слушай... сестрица... можно мне пожить у тебя несколько дней?

— Вот как? — женщина скрестила руки на груди и, поглаживая подбородок, протянула: — Но под каким предлогом я должна позволить тебе остаться? Мы ведь даже не знакомы. А вдруг ты злоумышленница? Не подвергну ли я себя опасности?

— Я... конечно, я не злоумышленница! — испугавшись отказа, поспешно выпалила Сун Сыинь.
— Я очень послушная. Просто позволь мне временно остаться, я готова делать что угодно.

— Что угодно? — глаза женщины слегка блеснули. — Правда?

Сун Сыинь закивала:

— Правда, чистая правда.

— Ну что ж, — женщина немного подумала, скрестив руки, и как бы нехотя произнесла: — Можешь пожить здесь несколько дней, но вся работа по дому будет на тебе. Возражений нет?

— Нельзя же так пользоваться чужой бедой, — тихо пробормотала Сун Сыинь.

Хэ Лань демонстративно потянулась к дверной ручке:

— Не хочешь? Ну и ладно, я тебя не принуждаю. В конце концов, сейчас сентябрь, в подъезде насмерть не замерзнешь.

— Ой, нет-нет-нет, я согласна! Согласна, видишь?

Сун Сыинь поспешно дала согласие, опасаясь, что её оставят за порогом.

Женщина позволила ей войти, и Сун Сыинь поскорее захлопнула дверь, боясь, что та передумает.

Проведя вместе утро, Сун Сыинь узнала лишь то, что женщину зовут Хэ Лань и ей двадцать семь лет. Больше никакой информации выведать не удалось, зато сама она выложила о себе всё, до последней мелочи — ох уж эта хитрая женщина.

В полдень Хэ Лань велела Сун Сыинь готовить обед. Сун Сыинь неохотно поплелась на кухню. Хоть она и умела готовить, но дома её так избаловали, что сама она к плите подходила крайне редко.

Она разбила два яйца на сковороду, как вдруг зазвонил телефон.

— Сестренка, ты где? Почему всю ночь не отвечала на звонки? Я места себе не нахожу! — из трубки послышался голос Сун Сычжо.

Услышав его, Сун Сыинь взорвалась:

— Ты еще смеешь спрашивать! Потерял родную сестру и даже не заметил! Если бы не попытка раздобыть для тебя её вичат, разве я напилась бы? Разве оказалась бы заперта у Хэ Лань, да еще и готовить ей теперь должна!

Затем она рассказала брату о карантине.

— Что? То есть тебе придется жить у неё четырнадцать дней? — голос Сун Сычжо подскочил на октаву. — Так это же просто замечательно! Сестренка, ты должна показать себя с лучшей стороны, постарайся, чтобы ты понравилась моей богине. Ну всё, не буду тебя отвлекать, иди готовь!

Сун Сычжо повесил трубку.

Сун Сыинь застыла с телефоном в руках. Что это вообще было?

Алло, твоя драгоценная сестренка превратилась в служанку, а тебе плевать?!

Ну погоди, Сун Сычжо, выберусь — ты у меня попляшешь!

— Что там пригорело? Ты хочешь взорвать мою кухню? — раздался холодный голос Хэ Лань.

— А? — Сун Сыинь только сейчас вспомнила про яйца на сковороде. Отвлекаясь на разговор, она упустила момент — всё сгорело.

Беда...

Она поспешно выключила плиту. Если Хэ Лань увидит, то засмеет же до смерти.

Но Хэ Лань уже стояла на месте преступления, хмуро глядя на две обугленные кляксы в сковороде.

— Ты вообще умеешь готовить?

— Осечка, просто осечка! Я сейчас переделаю. На самом деле я отлично готовлю, это просто случайность.

Сун Сыинь торопливо оправдывалась, боясь, что её выставят вон. Хэ Лань лишь брезгливо взглянула на неё и вышла из кухни.

Сун Сыинь поспешно пожарила два новых яйца, осмотрела запасы продуктов, быстро отварила лапшу и добавила зелени. Выглядело блюдо вполне достойно. Она вынесла тарелку в гостиную, и Хэ Лань, по-хозяйски приняв подношение, попробовала еду. Сун Сыинь с надеждой уставилась на неё.

— Ну как?

— Сойдет.

Тяжелый случай.

Сун Сыинь мысленно чертыхнулась и принялась за лапшу, вымещая раздражение на еде. В процессе она подняла глаза и увидела на белоснежной шее Хэ Лань несколько глубоких царапин, словно от когтей.

Сун Сыинь невольно выпалила:

— Слушай, а что это у тебя за раны на шее? Выглядят довольно серьезно.

Хэ Лань скользнула по ней взглядом:

— Не знаю, это какая-то пьяная дикая кошка поцарапала меня вчера вечером.

Воздух в комнате будто застыл. Волны невыносимого смущения нахлынули на Сун Сыинь со всех сторон, едва не раздавив её. Она могла поклясться, что это самый неловкий момент в её жизни.

— Я... я доем и пойду помою посуду.

Охваченная чувством вины, Сун Сыинь сбежала.

На кухне она пыталась восстановить события вчерашней ночи. Неужели это она расцарапала ей шею? В памяти зияли пустоты, и как она ни старалась, ничего не всплывало. От этого на душе становилось только гаже.

— Проклятый Сун Сычжо, я убью тебя, когда выберусь!

Сердце колотилось от беспокойства, в груди закипало безымянное раздражение, которому некуда было выплеснуться, и ей оставалось лишь раз за разом проклинать своего непутевого брата.

Когда кухня была прибрана, Сун Сыинь немного успокоилась. Выйдя из неё, она увидела, что Хэ Лань уже ушла в кабинет.

— Эх, раз я её поцарапала, а шею самой мазать неудобно, надо бы спросить, не нужна ли помощь.

Набравшись храбрости, Сун Сыинь подошла к дверям кабинета и постучала.

<http://bllate.org/book/21004/2135588>